

фантастическая
история

Книги Олега Измерова
в серии «Фантастическая История»

ДЕТИ ИМПЕРИИ
ЗАДАНИЕ ИМПЕРИИ
ОТВЕТ ИМПЕРИИ

МОСКВА, 2013

фантастическая
история

Олег Измеров

Ответ Империи

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
ИЗ7

Измеров О. В.

ИЗ7 **Ответ Империи: Фантастический роман.** — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 538 с.: ил. — (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1459-8

В конце семидесятых Брежневу становится известно, чем кончится перестройка, и он соглашается на гигантский эксперимент — переделать страну так, чтобы она смогла выжить в новом тысячелетии. И вот в девяносто восьмом в эту реальность из нашего времени попадает инженер Виктор Еремин, еще не зная, что все эти двадцать лет КГБ живет в ожидании пришельцев из будущего, и отнюдь не с распростертыми объятиями. Ведь задачей первого попанца было облегчить развал СССР...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Измеров О. В., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ISBN 978-5-9922-1459-8

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда после «Детей Империи» появилось «Задание Империи», я задумался. Во времена Века Империй (это не про игру от «Майкрософт») мы были образцом для всего прогрессивного человечества и хотя бы в сказках имели претензию на улучшение мира. Прекратить на планете войны, победить преступность, ликвидировать угнетение и бесправие, покончить с неграмотностью, голодом и эпидемиями, накормить 36 миллионов человек, которые сейчас, по данным ЮНЕСКО, ежегодно умирают от последствий голода на фоне презентаций новых смартфонов, или, на худой конец, показать противнику кузькину мать. С окончанием этой эпохи общество придушило мечты о Светлом Будущем и кинулось дружно грезить о Великом Прошлом. Грезить о Великом Прошлом проще и приятнее, потому что никто никогда не заставит читателя его строить — оно уже где-то есть готовое, обернутое в пленку с этикеткой и штрих-кодом, и остается лишь разогреть его в микроволновке и вкушать. Великое Прошлое удобно в употреблении, и от этого нам никуда не деться.

И родилась у меня идея — пусть главный герой направится в Великое Прошлое Двойного Назначения, которое по случаю необходимости может быть и Светлым Будущим в финальном релизе.

Вновь предупреждаю, что Светлое Будущее окажется не совсем таким, каким его все привыкли изображать, потому что это не мечта, а совершенно реальное и практичное Светлое Будущее, и оно не требует комплектации ангелами. Какой смысл мечтать о рае земном, если тебя, обычного и грешного, туда не пустят, верно? Естественно, в повествовании будут мимолетные романы и всевластные спецслужбы, Сталин возникнет в новом качестве, Берию автор не обещает, но в качестве компенсации будет НАТО.

Итак, на сей раз — назад, в будущее!

Часть первая

ПОПАДАНЕЦ, XX ВЕК

— Узел наблюдения двадцать девятый докладывает седьмому. Сквер Сталинских соколов: есть подозрение на наличие объекта «Дрозд».

— Двадцать девятый, ответьте седьмому. Что конкретно зафиксировали?

— Двадцать девятый, отвечаю. Зафиксирован сигнал аппарата мобильной связи зарубежного стандарта СПС-900. Сигнал непродолжительный, прекратился.

— Может, какой мажор с коммиссионной трубой балуется? Сейчас привозят из Финляндии на два стандарта — волемотовский и ихний.

— Расшифровка сигнала — поиск неизвестного нам оператора.

— Доложите действия.

— По камерам наблюдения пока ничего подозрительного. К выходам из сквера вызваны машины.

Фрагмент расшифровки журнала aud12300075.log

Глава 1

ОСЕНЬ В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

В сквере тихо играла музыка. Что-то приятное, чуть в стиле ретро, чуть с элементами «русского шансона», но без пошлости, чуть с влиянием дворовых песен семидесятых, но без надрыва, обычного для певцов на лавочке у подъезда. «Я вновь и вновь ловлю глазами твой силуэт на остановке...» По голосу артист напоминал молодого Саруханова. Вечная тема.

И вообще это был очень приличный сквер, чуть затронутый золотой осенью. Аккуратные новые скамейки из квадратного стального профиля и деревянных реечек, пропитанных современным защитным лаком, дорожки, устланные бетонными шестигранниками, уже опаленная ночными холодами листва на излете бабьего лета, мамыши и бабушки с колясками, детвора, блестящие цилиндры урн из нержавеющей стали и литые чугунные фонари под старину. Ветер трепал кроны деревьев, гнал по светло-голубому предзакатному небу пухлые космы облаков и кружил в стремительном танце по дорожкам и газонам то окрашенные лимонной желтизной, то наполовину побуревшие, усталые от жизни листья. На одной из скамеек с краю расположилась чугунная скульптура летчика, в человеческий рост, в

довоенной форме и пилотке, с букетиком цветов в руке. Летчик смотрел на часы, а та, которую он ждал, все не шла.

В общем, несмотря на порывы ветра, который явно желал хулиганским образом сдувать с прохожих легкие кепки и прочие головные уборы, все было очень хорошо и пристойно и дышало светлой грустью ранней осени. За исключением одного — мгновение назад на этом месте был гипермаркет и асфальт автостоянки. И еще как-то сразу потеплело. Было на улице градусов пять-семь, а сейчас теплынь, наверное, под двадцать. И ветер был потише, хоть и неприятный, пронизывающий, а этот — вот-вот крыши срывать начнет. Яблоки в садах, что собрать не успели, точно попадают.

Он стоял посреди аллеи с двумя пакетами и пытался справиться с мыслями. «Я, Еремин Виктор Сергеевич, попал сюда случайно... Хотя почему случайно?»

Это было три недели назад.

На мобильник ему позвонила какая-то женщина, представилась Марией Сергеевной, менеджером по каким-то там опытам, от которых человеку кажется, будто он попал в другое время. Говорила, что он, Виктор, случайно стал участником этих опытов, и что за это ему положена компенсация. Он вежливо объяснил ей, что это какая-то ошибка и видений странных у него не бывает. Тем более что, если вам ни с того ни с сего предлагают деньги, это почти всегда означает, что у вас еще и ваши отнимут.

А полчаса назад ему звякнул какой-то мужик по поводу той же непонятной Марии Сергеевны, говорил недомолвками и предложил встретиться в гипермаркете — еще назвал этот гипермаркет по-старому: «универсамом». Мужика в гипермаркете Виктор так и не нашел, а вместо этого очутился в сквере, неожиданно возникшем на месте гипермаркета.

Ни испуга, ни отчаяния на этот раз он не чувствовал. Было удивление. И тут же задал себе вопрос, который показался ему самым естественным: а может, это действительно бред или какие-то психические опыты? Даже несмотря на то что уже хотелось есть, а во сне обычно есть не хочется. Кстати, он так и не узнал, кто такая Мария Сергеевна, менеджер по работе с пациентами, то бишь участниками опытов. Просто инстинктивно пошел в отказ, и все.

Может, надо было сразу сказать — «да, было»? Дважды, в пятьдесят восьмой и в тридцать восьмой? Может, это действительно какие-то опыты над людьми? А если они таким способом шизиков ищут, сказать: да вы что, какие путешествия во времени, пошутил, конечно. Опять же компенсацией соблазнили. А, черт их знает, что правильно, что нет...

«Ладно, пусть это опыты, — подумал он. — Но зачем ставить их в гипермаркете? Или они не знают, где я буду? И как быть с появлением в нашей реальности людей оттуда — Ковальчука, Ступина, Альтеншлоссера? Ну, Ступин тут же исчез, но Альтеншлоссер-то где-то шляется! А, черт, здесь-то я его найти не смогу...

Ладно, пусть это не опыты, — подумал он через минуту. — Скажем так: все это конкретные глюки. Включая пришельцев в нашу реальность, Марию Сергеевну и звонившего мужика. Да, звонок! Можно проверить...»

Он достал «самсунг» и посмотрел журнал звонков. Был входящий с незнакомого ему номера в указанное время. Дальнейшее следствие заходило в тупик — мобильник не находил оператора. Виктор чертыхнулся и нашел в меню «Выключить».

...Когда переключал один из пакетов обратно в правую руку, он внезапно почувствовал какое-то беспокоящее ощущение на коже тыльной стороны правой ладони — чуть-чуть саднило. Приблизил руку к глазам и увидел возле основания большого пальца короткую, не больше сантиметра, неглубокую, тонкую и прямую царапину, как от бритвы; кровь почти не показалась. Царапина была свежей, и Виктор точно знал, что до супермаркета ее не было, но когда и обо что он мог порезаться, вспомнить не мог, хотя прекрасно помнил весь свой маршрут возле прилавков. И вообще чем-то она была ему даже знакома, но когда и где он видел что-либо подобное, он тоже запомнил.

Виктор уже давно перерыл интернет, но так ничего и не нашел, кроме попаданческой литературы, дюжины необъясненных случаев, до бесконечности перетираемых желтой прессой, шатких, а то и вовсе лженаучных гипотез. Более-менее здравым объяснением подобных вещей была истерия или помрачение сознания. Допустим, у человека наступит затмение ума, а через пару часов отходняк, вот он и думает, что перенесся на час вперед. Часть происшествий под это вполне подходила. Но в его случае никакого сдвига во времени в нашей реальности не было: когда вышел, тогда и зашел. Это же отсекало и версию с глюками в период помрачения.

Развивая эту теорию, Виктор даже предположил, что глюки могут развиваться где-то в подсознании, а потом их человек в один момент вроде как вспомнит, и все действие будет отмечено как бы задним числом. Объяснение казалось логичным и вроде даже устраивало. Однако было одно «но».

Если другие реальности — игра воображения, думал Виктор, то они должны быть такими, какими мы их можем себе представить. А то, во что он попадал, — почему-то иное: история идет не такими вариантами, которые мы привыкли себе

представлять, даже в случае пресловутого «а если...»; люди действуют не совсем по такой логике, даже исторические лица. Они ведут себя не так, как нарисованные нами образы. И есть вещи, которые вообще кажутся нам нелогичными.

Ну хорошо, допустим, ему чего-то недоговаривали, или же он чего-то там не увидел. Но что можно утаить от человека в мире, который скроило его же воображение?

И наоборот, с точки зрения рукотворного мира живая реальность должна видеться лишенной логики. Положим, полвека назад у признанных гениев фантастики герой, сидя за столом, *сосредоточенно* копирует чертеж двухфазной кислородной установки средней мощности. Но тогда наш реальный двадцать первый век, в котором тот же герой в той же ситуации *небрежно* нажмет F5, чтобы скинуть файлы на флешку, будет с точки зрения этого рукотворного мира как раз нелогичен. Для жителя шестидесятых F5 — это пешка...

— Да! Ты уже взял билеты? Когда? Ну я перезвоню.

Мимо Виктора прошла девушка, судя по всему, с мобилой; с какой, Виктор не успел разглядеть, поскольку юное создание в черной короткой блестящей куртке и с волосами, выкрашенными в фиолетовый цвет, закончив разговор, на ходу загнуло аппарат в сумочку.

«Надо будет местную симку взять. Да, версия третья, и последняя: оно есть и не известно ученым. Тогда я наверняка здесь неслучайно. Сто пудов, замануха с этой бабой и звонком, в точку перехода. Отсюда вопросы: кто, куда и зачем? Ковальчук из пятидесяти восьмого говорил, типа засылают в исключительных случаях — мир исправить. И что я должен здесь исправлять? И если это не Ковальчук? Да, с симкой: местной-то валюты, как и документов, рации, явки, логинов и паролей, вот как хочешь, так и крутись. Может, сдать хотят? Может, надо прямо в органы бежать — и добровольно? Не-э, на фиг, на фиг. В здешней Полпинке небось уже целые палаты попаданцев. Вместе с эльфами и вампирами на одних процедурах. Время, время, народ романы Ле Гуин читает в журнале «Техника — молодежи», Спилберга смотрит на VHS. Даже мобила недалеко ушла. Короче, Склифосовский: сначала обстановочку изучим, а там... Но сначала обстановочку изучим».

Виктор осмотрелся вокруг: на крыше «китайской стены», где был магазин «Электроника», в просвете между кронами деревьев мелькнули буквы «...изм — это...».

«Коммунизм — это молодость мира, и его...» — понятно. Значит, советская власть... или недавно была, и буквы не успели убрать. Сзади тоже «китайская стена», и на углу Красно-

армейской и Крахмалева. Ориентировочно конец восьмидесятых или начало девяностых. Ну, история тут будет чуть другой, это ясно. Но пока не видно, чем другой. А может, тут только деталями отличается?»

Навстречу Виктору протопали двое пацанов в синих куртках нараспашку и красных фуфайках. У одного из них на груди красовался ленинский Мавзолей, как в детстве на настенной тарелке, с двумя надписями — «Ленин» и «Сталин», — у другого — по типу Че Гевары: большой профиль Сталина и надпись «Leader of Peoples, Man of the Masses».

«Неформалы. Типа РКСМ или что-то вроде... Ого!»

Он дошел до того места, когда за сварной железной оградкой за сквером начиналась чисто выметенная площадь под памятником. Собственно, памятник был ему знаком с детства: МиГ-17 на наклонной призме, чем-то похожей на обломок штыка и отделанной листами чуть посеревшего от выхлопных газов алюминия. Официально вроде как героям Великой Отечественной, но в народе этот экспонат под открытым небом тут же окрестили «Памятником погибшим во Вьетнаме». А может, и действительно в честь Вьетнама поставили или Кореи. В тот момент для Виктора это было все равно: на «китайке» над «Электроникой» ему во всей красе открылось: «СТАЛИНИЗМ — ЭТО МОДЕРНИЗАЦИЯ».

Виктор протер глаза. Может, «социализм»? Гуманный, демократический, что там при Горбачеве было? Нет. На фоне неба огромными прописными буквами было начертано: «СТАЛИНИЗМ».

«А смысл? — машинально подумал он. — Ну, понятно, пацаны прикалываются. Но тут явно же развилка где-то в восьмидесятые пошла, иначе «китайка» по-другому бы выглядела. Значит, Хрущев был, разоблачение культа было, «голоса из-за бугра» слушали, анекдоты травили, «дорогой и любимый» всем надоел... Откуда снова почва-то для этого взялась?»

Он помнил, что даже пресловутая Нина Андреева, защищая Сталина, в культ его все же не возносила и даже при этом добавляла типа что-то вроде: «Да, репрессии...»

Он подошел к «зебре», ожидая переключения на зеленый для пешеходов. Впереди него стояла та самая девушка с сиреневыми волосами.

Взвизгнули тормоза. Мимо них со свистом сошедшего с постамента МиГа пролетела и замерла сразу же за «зеброй», оставив на проезжей части черные полосы содранной резины, желто-оранжевая тачка, приплюснутая к асфальту и похожая на гоночный болид. Колеса были чуть ли не в две трети общей высоты и сверкали большими накладными дисками со звез-

дой из пяти отверстий. Между плоским, нагнутым к асфальту капотом, в который были утоплены фары и который рос прямо из закатанного назад, словно лепешка скалкой, лобового стекла, и коротенькой, как у модницы, юбкой бампера виднелась неширокая щель переднего воздухозабора. К боковым воздухозаборникам, похожим на ряд акульих жаберных щелей, вела пластичная и экспрессивная, как скульптуры Шадра, выштамповка на боках. Задний стреловидный спойлер возле еще одной пары воздухозаборников — крышевых — довершал сходство с изделиями авиапрома. Единственно, чего не хватало, — это невидимости, как у бондовского «Астон Мартина» в «Умри, но не сейчас».

Шипя, подскочила вверх крыша вместе с дверями, и из откупоренного, как консервная банка, салона, как чертик из коробочки, выпрыгнули четверо крепких парней в куртках с короткой стрижкой. Было в этом что-то очень знакомое по недавней российской истории.

«Братки, что ли? Разборки у них тут намечены? Угораздило попасть в неудачное время...»

Один из «братков» подскочил к девушке с сиреневыми волосами, махнув по воздуху какой-то красной пластиковой карточкой:

— Извините, гражданка, вы не позволите глянуть на ваш мобилфон?

— Ой. А вы что, шпионов ловите? Он у меня в сумочке, сейчас включу, там батарея почти на нуле...

— Проходите, гражданин, не задерживайтесь, — обратился к Виктору второй парень.

Виктор вспомнил, что на светофоре для пешеходов и впрямь зеленый, и он уже выглядит как проявляющий любопытство, по мнению чуваков из убервагена, излишнее. Он шагнул на «зебру».

— Стойте, — раздался за его спиной тот же голос.

Виктор повернулся и поставил ногу обратно на тротуар.

— Чем могу быть полезен?

Каким-то чутьем Виктор догадался, что пацаны не из ОПГ. Может, милицейская опергруппа. Может, задержание производят. Попасть в свидетели или понятые ему, как человеку без паспорта, совершенно не хотелось, да и проявлений явного насилия и произвола также не усматривалось.

— Сигареты у вас не найдется? — спросил парень.

Вообще-то для улицы это фраза двусмысленная.

— Увы, — ответил Виктор, чуть разводя руками и стараясь находиться на дистанции.

— Извините.

— Все нормально, гражданка, — донеслось до слуха Виктора, — простите за беспокойство.

— Да что вы, все хорошо, — послышался голос сиреновой девушки. — А что случилось?

Но Виктор уже спешил по переходу.

«С мобилами шмонают. Они что тут, вообще запрещены?»

Глава 2

ПАССАЖИР С «ТИТАНИКА»

Остановка называлась «Улица Крахмалева», и это укрепило Виктора в мысли, что мода на сталинизм, скорее всего, пошла здесь где-то не раньше восьмидесятых. Крахмалев для Брянщины был такой же харизматической фигурой, как князь Роман Старый. Первый секретарь обкома обеспечил горожан молоком, яйцами, тепличными овощами, асфальтовыми дорогами, домами, пусть скромнее сталинок из второй реальности, но столь же массовыми, одеждой и обувью местного производства, которую в столице порой принимали за эфэргэшную, и рядом других приятных мелочей, благодаря которым Брянск наконец забыл о следах послевоенной разрухи. Свердловчане, которых в это время обеспечили талонами, могли завидовать. Жаль, что хорошие люди уходят, а... Но мы отвлеклись.

На остановке были навес и теплый зимний павильончик для обогрева с киоском под ностальгическим названием «Союзпечать», где куковала продавщица из числа работающих пенсионерок, в синей почтовой форме. Один из стеллажей назывался «Электронные издания»; от вида слимов повеяло мыльным и домашним. Потертый, когда-то серебряный «Скиф» для нескучности негромко напевал «Регтайм на «Титанике». Пресняков-старший велик.

— Простите, а это сегодняшняя?

— Конечно! Вы же дату видите!

«Пятнадцатое сентября девяносто восьмого, вторник. Чего-то все время попадаю в ту же дату, что и в моей реальности. С точки зрения астрономии и календарей никак не объяснить. А вот если кто-то перебрасывает техническими средствами... Тогда разумно: тот же климат, время года, адекватная одежда, а то был бы в шортах среди сугробов. Через пару дней праздник, День города... ну да ладно».

— Спасибо...

Заголовок на первой полосе «Известий» гласил: «Когда начнется война в Европе?»

Не «Не допустим войны в Европе!», а «Когда начнется вой-

на в Европе?». То есть неизбежность войны признавалась официально. «Если завтра война, слепим пушку...» — нет, как-то не так пели. И тоже — «если», а не «когда»...

Виктор рассмотрел обложки остальных печатных изданий. На обложку «Огонька» на сей раз попали футболисты с заголовком «Эпоха Яшина возвращается», «Домашняя сеть» собиралась рассказывать о новой поисковой машине «Джультбарс», «Компьютер-инфо» анонсировал обзор мониторов. Зато на обложке «Молодой гвардии» красовался F-117A с красноречивым заголовком «НАТО идет на...»¹ а «Политическая жизнь» вопрошала: «Жители общеевропейского дома — пассажиры «Титаника»?»

«Девяносто восьмой. В девяносто девятом НАТО бомбило Сербию. И тогда наши не вступились. А сейчас точно вступятся. Если сейчас СССР, советская власть и сталинизм — точно вступятся. Как в Первую мировую. Что будет...»

— Скоро вообще газеты читать перестанут, — проворчала старушка, — вон мои теперь даже погоду в домолинию смотреть лезут. Вообще нас скоро автоматами заменят. Пойду магнитные карты продавать. Там еще с людьми.

— Ну, до этого еще далеко...

— Да какой далеко? Мы вот сами немолодые люди и не видим, как далеко прогресс зашел, а тут приходят, дом раз — и подключили. И все вот, как раньше от телевизора не оторвешь, теперь от терминала.

«Почему «терминала»? Ну ладно. Может, она раньше в АСУП работала. «Домолинк», домолиния... ох, уж эти вечные совпадения. Еще бы D-Link привязать. Если везде искать мистику...»

(Как раз в этот момент поздний состав «Самоцветов» выводил нетленную строку Александра Вулых про узников, сбежавших из страны теней, и такими голосами, будто певцы читали рассказ про вампиров.)

«Не надо втягиваться в разговор. Расколют. Вдруг тут стукач в каждом киоске. Поговорить ей хочется... «А вы что, шпионов ловите?» Почему та лиловая блондинка про шпионов? Потому что лиловая? Или? Картонка... Удостоверение КГБ? Кого ловили? Мобильник? Кто-то что-то ляпнул по мобиле — и засекли? Или... Или засекли «самсунг», как шпионскую рацию? Какие у них частотные диапазоны-то? Да по фиг какие, мотать надо».

На улице загудел мотором подъезжающий троллейбус. Виктор выскочил наружу из павильона, как бы спеша, чтобы

¹ Это полный текст заголовка.

смешаться с ожидающими пассажирами, но тут же остановился как вкопанный.

«А билет? А деньги за проезд?»

Подошедшая «шестерка» была похожа на те тролли, что ездили по Брянску в его реальности: сине-белый, с эмблемкой завода имени Урицкого на морде, только длинный, с гармошкой, как раньше «икарусы». Кондуктора или контролера внутри не замечалось.

«Проехать остановку? Нет... не будем рисковать. Будем считать, что мне нужна «десятка».

— Саш, чего мы мотор ждем? Поехали на этом, — раздался сзади женский голос.

— Да ну... Я что, не зарабатываю, что ли, — стоя до Никитина трястись? Сейчас наша подойдет...

«Надо срочно финансовый вопрос решать. Хорошо хоть жратвы два пакета набрал».

— Извините, вы не в курсе, за сколько в Брянске сейчас такие же достать можно? — Виктор показал свой «Ориент» стоящему на остановке чуваку в новом черном кожаном полупальто стиля «Матрица всех поимела».

Чувак приподнял фирменные очки от агента Смита и спокойно взглянул на импортный девайс.

— А таких вы в Брянске не достанете.

— Такой дефицит?

— Это же Китай, — безразлично констатировал матричный чувак, — их все время подводить придется. Разве что браслет титановый, и то не чистый титан, а сплав. Зачем такие брать, лучше возьмите наши. «Восток Инспектор» или, еще лучше, «Полет Резидент», те тоже титан, а не нержавейка. Жалеть не будете. Вы не на «двенадцатый», нет? Тогда всех благ. «Резидента» берите!

«М-да, вчерашняя хохма — это уже не хохма. Будем искать...»

Виктор уперся глазами в серый бетонный столб, на котором висело расписание маршрутов, изучая белевшие листки объявлений — как свидетельства деловой активности, не требовавшей паспорта и прописки. На павильоне, однако, не клеят, боятся. «Продаю», «Меняю»... в послебрежневских временах должна быть какая-нибудь неофициальная барахолка, спекулянты, не всех же извели, наконец, по знакомым... Стоп, а ведь есть же у него здесь знакомые. Пойдем по знакомым... только как это все объяснить? Типа старший брат? А если они ему самому позвонят? И вообще — если он сам себя тут встретит? Черт, черт, об этом и не подумал... В Бежицу, стало быть,

пока не суюсь. «Собрание правления кружка бонистов...» Бонисты, оказывается, и тут в Брянске есть... Евпатий Коловратьевич! Да ведь самое главное в инновационном менеджменте — это что? Идея. Где у них офис, у этих бонистов? Что-то знакомое...

Виктор вынул записную книжку, будто собираясь что-то записать, перелистал.

«А, вот же где я видел. Так это на площади Партизан дом, справа, если от проспекта Ленина смотреть, первый к Красноармейской. Видать, у кого-то на квартире собираются. Отлично. Можно и пешочком. Лишь бы кто-то был. Вечер, почему бы и не быть дома хозяевам?»

Он посмотрел на невостребованные в этом мире часы — вернее, сделал вид, что посмотрел на часы, будто решает, ехать или не ехать, — и пошел по тротуару вдоль забора городского кладбища, вдоль которого протянулись аккуратные павильоны цветочного мини-рынка, магазина ритуальных принадлежностей, районного похоронного агентства и художественной артели «Дань памяти» от промкооперации, предлагавшей памятники и ограды. Существование промкооперации в мире вероятного сталинизма показалось Виктору несколько неожиданным; впрочем, он тут же вспомнил, что при Сталине такая кооперация была, и артели всякие, а свели ее уже при Хрущеве. Попутно на глаза попался плакат о том, что администрация кладбища, в целях повышения качества и расширения ассортимента оказываемых услуг, введет в строй православную часовню для отпевания усопших. Идя навстречу пожеланиям верующих граждан и прочее. Судя по тяжеловесному слогу, рекламой религии это не назовешь.

У завода «Кремний» асфальт сменился шестигранной плиткой — и Виктор тут же пожалел, что не перешел на другую сторону: со стен и забора на него уставились глаза видеокамер в прозрачных колпаках.

«Спокуха. Ничего особенного. У нас в каждом приличном магазине такие. Я обычный советский человек, иду к Полтиннику. Мало ли нас таких тут».

Полтинником был кинотеатр имени 50-летия ВЛКСМ, первый широкоформатный в городе и благополучно закрывшийся в годы реформ. Здесь же он существовал, и реклама обещала новую систему объемного звука и мягкие кресла. Афиша, недавно наклеенная на стенд из изящного кованого железа у остановки и еще шедшая пузырями, гласила: «От создателей «Бригады». Смотрите новый художественный фильм «Бригада-2» с Сергеем Бодровым в роли Юры Крутова. Зрите-

лей ждет новая встреча с полюбившимися героями — комсомольцами из локомотивной бригады, ведущей трудные и опасные испытания новых электровозов для Байкало-Амурской магистрали. Труженикам стальных магистралей скидка 20 %».

Наверху, в качестве эпиграфа, красным по белому было написано: «В чем сила, брат? В правде!»

«Одни и те же слова — а как по-разному они звучат в разных эпохах, — подумал Виктор. — А впрочем, не все ли равно, мочить ли Бодрову бандюков или защищать новую машину перед начальством. Для многих в нашем мире первое сделать проще, чем второе...»

Вот торгового центра со стороны «Кремния» не было — вместо этого появился новый корпус завода, высокая угловатая призма, со стороны площади совершенно без окон, на месте которых красовалось масштабное мозаичное панно на тему древней истории города. Сталин на панно не присутствовал. Впрочем, несколькими минутами раньше Виктор заметил на заводской ограде плакат с означенной личностью: вождь народов глядел в глаза прохожим, наставив на них палец, и спрашивал: «А вы подали рацпредложение?» Когда увидел этот плакат, у него несколько отлегло от сердца: возможность обращаться с культовой фигурой с некоторыми вольностями значила, что религиозных фанатиков здесь можно меньше опасаться, чем в сорок восьмом, хотя дураки — они, конечно, везде встречаются. Кстати, на своей вывеске завод «Кремний» обзавелся титулами ГК РЭП и ГФПГ Электрон. О том, что такое ГК и ГФПГ, Виктор не имел ни малейшего понятия, не говоря уже о РЭП, который здесь был явно не этномузыкой.

На глаза ему постоянно попадались киоски для разных мелочей — одинаковые оранжево-белые, с непременно козырьком, чтобы на покупателя не капало в дождь, и похожие своими полуобтекаемыми очертаниями на поставленные набок продуктовые контейнеры для холодильника. Торчало их здесь не меньше, чем в нашей реальности, и Виктор сперва по привычке не обращал на них внимания, пока не просек, что это — автоматы. На небольшом черно-белом дисплее выбирали товар, который с жужжанием появлялся в окне выдачи. Платили той самой магнитной картой, о которой говорила бабушка из «Союзпечати»; та же карта шла и в телефонных ракушках, хотя там допускалось и мелочью.

К Полтиннику можно было делать некоторые выводы и о местном автопроме. Часть машин была советской шестидесятых-восьмидесятых. Из новых же в глаза Виктору бросилось прежде всего необычное обилие мини-вэнов-«буханок» с ва-

гонной компоновкой и вазовской ладьей на кузове, что-то типа «Тойота Таун Эйс», только колеса побольше и подвеска повыше — видимо, чтобы можно было возить с дачи мешки с картошкой по проселочной дороге. Действительно, в большинстве таких мини-вэнов было четыре места и небольшое грузовое отделение. Некоторое однообразие моделей тачек с лихвой скрадывалось тюнингом, который здесь, похоже, расцвел пышным букетом и позволял передать в каждой машине характер владельца. И еще — на трети малолитражек красовалась надпись «Прокат».

Личных машин и маршруток было в разы меньше, чем в нашей реальности, зато один за одним сновали троллейбусы и однотипные с ними автобусы. Не было и характерного для наших родных девяностых западного подержанного автохлама, перепроданного в Россию по дешевке и вскоре украсившего ржавыми кузовами придорожные овраги, пока эти же кузова потихоньку не перетаскали в расплывшиеся пункты приема черных и цветных металлов, сплошь и рядом ворованных.

За Полтинником Красноармейская бурно реконструировалась в проспект: таксопарк и автохозяйства были снесены, частных избушек в краю не осталось, а вместо них до рынка и площади Партизан размахнулись заборы, за которыми высились подъемные краны и к небу тянулись остовы монолитного бетона. Но в этом гигантском преобразовании плоского мира в объемный не было того разнобоя, когда с особнячком псевдорусского стиля вырастает давящий куб торгового центра с площадями в аренду. Здесь, свободно откинувшись от проезжей части и тротуаров, закрывшись от них зелеными зонами и скверами с изящными фонтанчиками и детскими площадками, горделиво, словно львы среди африканской саванны, собирались возлечь многоэтажные жилые комплексы. Некоторые из них были закончены или уже приобрели окончательные формы; в них строго выдерживалось единство стиля, не вызывавшего, впрочем, однообразия и непохожего на то, что было принято в брежневское время. Казалось, архитекторы хотели выразить протест против надоевших им по предыдущим эпохам прямых линий и углов: везде, где не требовалось сочетать свободу замысла с диктатом рядом стоявших зданий другого времени и где фантазию архитектора не сдерживала жесткая необходимость следовать рациональным конструктивным формам, появлялась плавная кривая, придававшая зданию скульптурные черты.

То, что получилось, больше всего напоминало возврат к модерну, правда, без украшательства, без столь любимых в

начале прошлого столетия изящных лепных рюшечек, которые на доме в двенадцать-шестнадцать этажей выглядели бы странно. С другой стороны, освобождение от оков типового проектирования не вылилось и в модернистские эксперименты, которыми любят пошалить в Западной Европе. Округления в основном касались углов стен, балконов, эркеров и лоджий; для разнообразия на фасадах встречались участки, выгнутые дугой наружу или внутрь, хотя до того, чтобы несколько изящных кривых полностью определяли облик здания, как в работах Оскара Нимейера, здесь не доходило. Наверное, потому что не каждый архитектор — Нимейер.

Три нижних этажа каждого гиганта являли собой стилобат с пешеходными дорожками и площадками для отдыха с клумбами и маленькими деревцами. Внутри этих стилобатов поселились административно-конторские учреждения, разные обслуживающие комплексы — от прачечных и столовых до детских яслей и садов, и в самом низу — магазины. В пристройках прятались заглубленные ниже уровня земли зимние бассейны и тренажерные залы. Узкими змеями под дома уходили тоннели подземных гаражей.

Послевоенные силикатные двухэтажки сиротливо жались островками, ожидая второй очереди сноса.

«Ну вот и дошли», — подумал Виктор.

Площадь Партизан между памятником и музеем тоже была перерыта и огорожена рабицей; сквозь нее было видно, что на этой части площади разбивают сквер, строят фонтаны и какие-то постаменты. «Реконструкцию площади под музей боевой техники под открытым небом ведет фирма «Звезда», — было написано на прикрученном к рабице чуть полинялом щите.

«Ага, значит, танки и пушки будут здесь, а не на Круглом озере. А кстати, плакатов-то здесь не так много. Ну, с рекламой ясно, а вот с этим — сталинским курсом, ум честь и совесть — как-то здесь негусто. Да и над «Электроникой» буквы неновые. Может, они тут уже того... отказались?»

Виктор прикрыл рукой глаза от налетевшего со стороны раскопанной площади пыльного вихря, и это почему-то его успокоило. Обычная брянская осень, подумалось ему. Скоро тут будут золотые деревья и запах сжигаемой листвы, от которого почему-то всегда тянет вновь пойти в институт и сесть за студенческую парту.

«Ладно, приступим к реализации безумного плана. Как там у Леонова в «Бегстве мистера Мак-Кинли»? С топором под мышкой проще сойти за сумасшедшего? Если не выгорит, под дурачка и закосим».

Глава 3

ПРИВЕТ ИЗ ТУАРЕДА

Штаб-квартира бонистов действительно оказалась на чьей-то квартире, на четвертом этаже. Внизу на подъезде уже стояла дверь с домофоном, а возле нее непривычной новинкой — список жильцов. Такие вешали в подъездах хрущевок в конце шестидесятых, но потом — то ли влом народу было исправлять переехавших, то ли с целью вводить в заблуждение всякое жулье — но только к девяностым они исчезли. Воскресший из небытия список был уже не простой жестянкой, а щитком с окошками, за которыми ставилась распечатка на лазерном принтере. Кстати, в отдельном окошке была дата обновления данных.

Значит, Финозов Г. А. есть Григорий Аркадьевич. Виктор поднял руку, чтобы надавить холодную сталь нужной кнопки на щитке, покрытом серой молотковой эмалью, но на полпути замялся и вместо звонка почесал себя за ухом, как кота.

«Блин, как на конспиративную явку иду. Вдруг засада или провал... то есть наоборот, сначала провал, потом засада. К тому же свидетели... Наверняка запомнят, что я входил».

Он еще раз прокрутил в мозгу задуманную комбинацию. Из его реальности помнилось, что коллекционеры тусовались при одном из отделов Дома книги на Фокина, магазина на Станке Димитрова, и... дальше Виктор не помнил, ибо марки и значки собирал еще в пионерском возрасте, и это увлечение в серьезное не переросло. Тем более Виктор никогда не интересовался бонистами. Указанный в объявлении Финозов, возможно, был среди коллекционеров вообще не авторитетом, а каким-нибудь «общественником», взявшимся тянуть бумажную сторону дела, без которой нет коллекционерам каких-то льгот, а может быть, и самого объединения тут без бумажек не допустят. Чтобы видно было, что не какие-то подозрительные личности кучкуются, а имеют хобби, отвлекающее от алкоголизма и иных антиобщественных занятий...

Да без разницы, авторитет Финозов или бюрократ. Главное, не загреметь. Во второй и третьей реальности повезло — нарвался на умных и просекающих ситуацию и, самое главное, оказался нужен. И то в третьей до изобретения лазера все гадали — не дезинформатор ли посланный, а уж чтобы как в книжках, где попаданцем все восхищаются, удивляются, смотрят в рот и ловят каждое слово, — ну не бывает так. Все решают служебные интересы, а главное, личные, которые со служебными могут и не совпадать.

В нерешительности Виктор оглянулся. За толстой стеной дома было затишье, и лишь неподалеку, из-под арки, как из аэродинамической трубы, столбом сифонила пыль. Дворик, протянувшийся неширокой полосой между пятиэтажкой и каменным забором какого-то заведения, был какой-то не нашенский: ни тебе совковой полуразрухи и полузапустения, что царили в стороне от дорог, по которым начальство проезжает, ни наших родимых бытовых отходов — пакетов, пластиковых бутылок со стаканами и всякой прочей гадости, которую бухающим у подъезда обычно влом донести до мусорки. Все те же аккуратные скамеечки из планок на гнутой железной полосе, в палисаднике альпийская горка из булыжников — видать, при ремонте старой мостовой вывернули... Очень даже стильненько. И четыре бабушки у подъезда, из-за которых просто взять и уйти будет подозрительным. Точнее, не совсем у подъезда — из-за соседства с забором тротуар здесь шел прямо под окнами первого этажа, отведенного под магазины, а скамеечка стояла чуть в стороне, в тени деревьев между забором и тротуаром, но дверь оттуда просматривалась как сцена из зрительного зала.

Виктор вытащил из внутреннего кармана плаща записную книжку, словно сверяя адрес. Решаться надо.

— А мой шрифт побольше сделали, так все нормально. Я же раньше бухгалтером на Дормаше, так что к машинке приучиться? — донеслось от скамейки.

«Подрабатывает, наверное», — машинально отметил Виктор. Сквозь долетавший с угла гул машин из одной из форточек второго этажа донеслось шкварчание яичницы на сковородке, и обстановка показалась совсем уж какой-то домашней.

«Че я, Плейшнер, что ли?» — спросил себя Виктор и, повинуясь какому-то внезапному порыву, решительно надавил кнопку.

— Кто там? — донеслось из домофона через полминуты.

— Я по объявлению. К го... гражданину Финозову, насчет общества бонистов.

— Ччас, — вылетело из динамика, дверь шелкнула магнитом и чуть приоткрылась. Надо было идти.

В подъезде было чистенько, и стены выкрашены в тон гранитно-серым и светло-голубым: с одной стороны, дешево, а с другой — не первое попавшееся, а дизайнер явно постарался. О странности сочетания скромности и изыска думать было некогда: наверху шелкнул замок двери.

— Заходите. На кухню проходите, тут я в отпуске фотообой клею.

Финозов оказался человеком немного за пятьдесят, чуть

полноватым и с залысиной на затылке, говорил хриловатым баском и в воображаемый образ коллекционера не вписывался. Кухня, куда он привел Виктора, была вполне стандартна — бросались в глаза разве что название «Ока» на здоровенном двухкамерном серебристом холодильнике и «Сапфир» — на кухонном цветном тридцатисемисантиметровом телике, что висел на поворотном кронштейне над микроволновкой «Электроника» с ЖК-дисплеем.

— А мне не нравятся мужчины с татуировками, — истомленным нежными страстями голосом Маши Распутиной простонал с зеленоватого стенового кафеля прямоугольный ящик трехпрограммного «Апогея», — по-моему, если мужчина приукрашивает свое тело, он не уверен в себе, в своих возможностях, ну... овладевать нашими чувствами. Я за торжество природы.

— Спасибо, Алла Николаевна. А сейчас мы послушаем в вашем исполнении песню «Поезда» с вашего нового лазерного диска...

«Какая Алла? Это же Распутина!» — удивился Виктор, но Финозов уже прикрутил динамик.

На стене над столиком висел сувенирчик, подобный тем, которые были популярны в шестидесятых. Это был отрывной календарь с доской, где сверху в монолите из оргстекла на синем фоне выступал барельеф в виде старинной армянской церкви; внизу было выгравировано «Привет из Сталинира».

— Интересноетесь?

— Никогда такого не видел.

— А-а, это редкость. Это вот был там в командировке, как раз переименовывать хотели, даже сувениры выпустили, а тут бац — и объявили, что перегиб. Я как раз и успел ухватить. Вообще в Цхинвале бывать не доводилось?

— Нет... — растерянно протянул Виктор, догадываясь, что Сталиниром хотели назвать Цхинвал, — так, по телевизору.

— Я вам так скажу: много потеряли. Это же маленький Париж! Минеральные источники, форель в реках водится, а народ какой! Обязательно съездите отдохнуть. Да, вот стул, присаживайтесь, рассказывайте. Вы, так понимаю, человек новый, раньше я вас что-то не примечал. Хотя я тоже человек новый. На пенсии вот, избрали, надо же человеку какую-то общественную функцию нести.

«Что-то рановато для пенсии. Хотя черт его знает, когда в СССР сейчас отправляют. А почему я решил, что здесь СССР? Потому что «Союзпечать», наверное. И над райисполкомом точно красный флаг был. Неосторожно, неосторожно... Не-

простительный промах. Решил, что раз другая реальность — значит, СССР. Может, извиниться и уйти?»

— Да что за дело-то?

— Знаете, Григорий Аркадьевич... Я даже не знаю, с чего начать, потому постороннему человеку может показаться странным и невероятным. Сам я не коллекционер. Но есть у меня один знакомый, человек довольно странный, в смысле, чудаковатый, ну, бывает с людьми такое.

— Чаю хотите?

— Нет-нет, спасибо, я ненадолго. Так вот, как-то он рассказал, что у него есть такое немного сумасшедшее хобби: подделывать деньги несуществующих государств.

— Несуществующих государств?

— Именно не существующих. То есть как бы страсть у него есть такая рисовать такие вещи, но он не хочет закона нарушать, потому выдумывает какую-нибудь страну и рисует.

— Интересно... Ну, это, знаете, вполне может быть, вполне. Бывают разные люди вроде как с заскоком на разных хобби, мы вот тоже со своим. И где можно посмотреть на его работы?

— А знаете, он их никому не показывает. Сделает несколько, полюбуется, а потом уничтожает. Бойтся, что если узнают, то либо преступники захотят его в оборот взять, либо в милицию при каждой фальшивой купюре тягать будут.

— Ну это он зря, конечно. В милиции тоже ж не одни дураки сидят, хотя, конечно, иногда... Что, разве никогда дел не вешали на невиновных, чтоб закрыть? Я-то знаю. Но это ладно. И что, он так никому и не показывал?

— Так вот, как раз с этим и связано. Ему тут деньги срочно понадобились, вот он и попросил по знакомству узнать, не заинтересуется ли кто. Его работами в смысле. Вроде как курьез такой.

— Я так понимаю, вы их принесли?

— Да. Знаете, это у него вот такая фантазия, чтобы вроде как старинные российские, но и вроде как современные... в общем, вы же специалист, вы лучше разберетесь.

Виктор выудил из бумажника три серо-зеленые купюры с Красноярской ГЭС и одну сине-сиреневую с Биржей — все, что осталось после гипермаркета.

— Ишь ты! — удивился Финозов, разглядывая узоры. — Это ж прямо как настоящие. Надо ж, какая у человека фантазия... В прошлом году делал?

— Да я не знаю, он попросил просто...

— Ну вон же написано — девяносто седьмой. Это ж, знаете, произведение искусства. Погодьте-ка...

Он вынул из кухонного шкафчика старую лупу с черной пластмассовой складной ручкой и всмотрелся.

— Не может быть!

— Это насчет орла? Ну не наш же герб ему лепить, мало кто как подумает.

— Да я не об этом. Видите вот эту фольгу? Это он сам сумел сделать?

«Да, — подумал Виктор, — идиотская была затея загнать коллекционерам дензнаки из другой реальности. И что дальше?»

— Товарищ, я в этих делах совсем не разбираюсь. Если бы он наши деньги делал или валюту, я бы просто пошел — и заявил куда следует. А может, действительно надо заявить?

— Слушайте, ну вы прямо как... вот будто в девяносто восьмой из тридцать восьмого...

«Кстати, да».

— Предметом преступления по статье восемьдесят семь-прим, то есть выпуск в обращение любых денежных знаков, отличающихся от официальной денежной единицы, находящейся в денежном обращении Российской Федерации, могут быть дензнаки, которые, во-первых, выпускаются должностными лицами, а во-вторых, предназначаются для обращения, обмена на товары по номиналу, а не предлагаются к продаже частным порядком в качестве вещи, а именно: сувенирного изделия кустарно-художественного промысла. Это я, как ветеран правоохранительных органов, вам точно скажу. Кстати, меня за это и избрали, что документы правильно оформлять, ну и знакомства всякие...

«Все. Задница. По полной. Сейчас раскрутит».

— Ну, если такой искушенный юрист, как вы, считает... просто успокоили. А то, знаете, все сомнение было, необычно уж как-то.

— Ну чего необычно? Необычность еще не улика, это по молодости все спешат выдвигать версии, а не доказательства искать. Вы только подумайте: какой соблазн у человека своему таланту криминальное применение найти! А он не стал этого делать. Потому как если бы он хоть одну фальшивую купюру тиснул, он бы моего адреса вам не дал да и с вами не связывался. И жизнь поломать человеку недоверием, особенно недоверием государства, проще простого. Ну так вы ищите, кто бы их мог как сувениры купить?

— Он ищет.

— Ну, вы по доброте решили помочь. А еще у него есть такие?

— Нет, говорит, он это, как его, вроде пресс-формы, чем штампуют...

— Клише?

— Да, клише уничтожено. Вот это все.

Фиозов внимательно взглянул в глаза Виктора.

— А знаете, мне почему-то хочется в вашу странную историю верить. Та же хренотень была в Японии в пятьдесят четвертом. Случились тогда массовые беспорядки, ну, полиция ихняя облавы устраивала, и взяли они, между прочим, гражданина со странным паспортом — паспортом государства Гуаред. Государства нет, а паспорт есть. И главное, подделывать то такой незачем.

— Ага, я тоже читал.

— Тоже самиздат?

— Может, самиздат, может, Флибуста. Не помню уже. И чего с ним потом стало?

— Вот этого я не помню. Слушайте, чего мы с вами будем сейчас кого-то искать, давайте я эти сувениры и возьму за триста рублей.

«Это ловушка? Надо не соглашаться. Уйти под благовидным предлогом».

— Спасибо, Григорий Аркадьевич. Я подумаю и как-нибудь зайду.

— Отчего ж «как-нибудь»? «Как-нибудь» и денег может не оказаться.

— Ну, он мне давал еще адреса тут... На всякий случай зайти, подумать.

— К Ругоеву, что ли? Да ну, не смешите. Зубы заговорит, и меньше выручите. Ну хоть у кого спросите.

— Ну, необязательно же мне там сразу и соглашаться. Поговорим, посмотрим.

— Да пожалуйста... И к Медиянцу только ноги собьете на Ковшовку топтать. Что ж, говорят, он такого не приобретает, ну вот сами убедитесь.

— Ну, для успокоения.

— Для успокоения... А давайте так: я беру у вас все эти сувениры за пятьсот. Это ж два минимума первой группы, приличная месячная, на что еще ваш приятель рассчитывает-то? Мы не барыги, не спекулянты, мы коллекционеры. Вот меня чего загло, что мало ли, ваш этот друг возьмет и плоды своего труда... а ведь это — произведение! Это ж какой Левша... сохранить для людей хочу, а не то чтобы.

«А ведь он, пожалуй, так и не отпустит, пока не продашь. И что делать?»

— А слушайте, действительно, чего я, нанялся, что ли, ему произведения загонять? Если мало покажется, пусть другой раз сам и бегаёт. Я вон спешу, — и Виктор показал пакеты с продуктами.

...Григорий Аркадьевич отсчитал деньги знакомыми советскими купюрами по десять и двадцать пять, только пару раз попался зеленый полтишок с Лениным на водяном знаке. Союз существовал, как и доверие к «деревянному», иначе при такой сумме наверняка у хозяина дома скопились бы сотенки.

— Чаю?

— Ой, нет, вы извините, конечно...

— Да ладно. А приятель как-нибудь пусть сам заходит. Передайте, замечательная работа...

На лестничной клетке Виктор протопал пару пролетов и плавно утишил шаг, прислушиваясь, не шелкнет ли внизу дверь. Вверх бежать было бесполезно — в этом подъезде люк на чердак был замурован и лестница срезана. Виктор подошел к окну на площадке, с новой, коричневой деревянной рамой, обработанной чем-то вроде акватекса, приоткрыл фрамугу и глянул вниз. В лицо тут же дунул поток воздуха, как из опущенного стекла автомобиля, засвистел в ушах; возле подъезда никто не ожидал, кроме бабушек. Стараясь не хлопать, Виктор закрыл фрамугу и рванул по лестнице вниз.

На переходе через Красноармейскую светофорный человек дрыгал зелеными ножками; Виктор поспешил перебраться. В ушах стучало. Он оглянулся: преследователей вроде было не заметно.

С ближайшей остановки у кинотеатра «Родина» в его бытность можно было рвануть до Бежицы, на Горбатова, с поворотом у драмтеатра, или на Брянск-первый, если спуститься от первой школы за баней, пустой остов которой в нашей реальности был для пристойности картины задрапирован зеленой сеткой. Можно было и до Кургана, и на Радицу — путем обратным тому, что шли они с Краснокаменной в тридцать восьмом. Лучше всего было проскочить на Бежицу: там проще всего затеряться. Возможность столкнуться с самим собой Виктора уже не так волновала. Он чувствовал, что его гонит инстинкт, проснувшееся чутье, то самое, что в его советском прошлом было так развито у профессиональных воров и успешных карьеристов, иными словами — людей, первыми ставших на ноги в новой экономической системе.

Кинотеатр «Родина» здесь так и оставался «Родиной», и вокруг него на удивление мало что изменилось — почта на месте, парикмахерская тоже, и даже овощной в подвальчике, как в студенческие годы, с выкрашенным белой краской и перепачканным землей транспортером, подававшим картошку из бункера на весы, откуда продавец поворотом рычага сбрасывал ее прямо в кошелки. Все это давно уже в прошлом, сейчас фасуют в пакеты, и здесь, наверное, тоже...

Глава 4

РАЗОРВАННАЯ ПЕТЛЯ

Подошла маршрутка: как и в своей реальности, Виктор не обратил внимания на номер, увидев на табличке надпись «Дружба»; только здесь таблички были большие и висели в больших проемах над лобовым стеклом, как в старых автобусах.

— Граждане вошедшие пассажиры, просьба приготовить рубль за проезд! — четким голосом дикторши возвестил автоответчик. Возле водителя торчал небольшой ящик кассы с прорезью, куда надо было кидать деньги на черную резиновую гусеницу, что ползла под немного потертой крышкой из прозрачного полистирола, пока пассажиры отрывали билеты.

— Простите, десять рублей никто не разменяет? — обратился Виктор.

— Да это всегда пожалуйста!

«Боже, сколько тут у народа мелочи. Так и у нас когда-то было, а сейчас с какого бодуна она исчезла? Если на вопрос «А вы не найдете девяносто копеек мелочью?» ответить «Нет», у наших продавщиц такая реакция, будто им сделали непристойное предложение в циничной форме».

Кинув заветный рубль и оторвав черный (т. е. отпечатанный черным) билетик, Виктор плюхнулся в самолетное кресло, обтянутое бежевым полиэстеровым чехлом, с кнопкой сигнала остановки на подлокотнике. Квадратный салон с мягкой отделкой цвета кофе с молоком был полупустым. Окна были закрыты, сверху дул воздух из кондишена, а спереди и сзади мурлыкали шоколадные нашлепки колонок. Рядом с Виктором ближе к выходу кресло заняла светлая шатенка старшего комсомольского возраста, с чуть пухловатыми губами и фигурой, отличавшейся от пропорций западных фотомоделек того времени в несколько лучшую сторону: в ее стан и упругие бедра в объятиях темно-синего шелкового крепа под раскрытыми, как створки раковины, полами незастегнутой блестящей куртки была добавлена та самая капля пышности, что встречается у античных статуй и побуждает стремление заронить семя в глубь почвы.

— Канал «Маяк-Авто» продолжает квадровещание программой «Жизнь на колесах». Для пассажиров городского транспорта прозвучат песни в исполнении Наталии Рудиной и Аллы Перфиловой...

Кто такие Рудина и Перфилова, Виктор не помнил, хотя голова показалась подозрительно знакомыми. Да и не до них было.

«Глупо, черт, как глупо все получилось... Не надо было это-

го приятеля придумывать. Сказать — просто нашел... Ага, а тогда подумает, что украл. Что теперь? Вот верно же, что жадность фраера погубит...»

Рядом раздалась будильниковая трель. Теплородная шатенка вынула из сумочки мобилу — оранжевую, с выдвигаемым вниз, как шея жирафа, микрофоном.

— Да. Я уже на моторе еду. Все.

«А, вот что такое мотор. А в семидесятые так такси звали».

За Курганом маршрутка тормознула; Виктор заметил, что останавливают их не на остановках, как теперь, а где попало, лишь бы по пути. Заскочила парочка студентов из «педа» — пединститута, переселившегося сюда в семидесятых. У чувихи на боку висел диск CD-плеера.

Может, я зря тут как на измене, подумал Виктор. Может, я зря себя накручиваю. Может, этот Финозов просто хочет иметь уникальную вещь, чтобы стать авторитетом. На хорошую коллекцию можно годы ухлопать, и все равно круче местных корифанов не станешь, а тут бац — ни у кого этого нет. Статус? Человеку нормальному мало просто *иметь*, ему надо еще и *быть* кем-то. Финозов раньше *был*: звание, выслуга, награды какие, а теперь он кто? Вот и заводит себе другую реальность и начинает в ней устраиваться: сначала востребован, как писарчук со связями, но это ж мало, тут другое ценится... И вот приходит с улицы человек с раритетом, и какая разница, кто он, этот человек-то: есть раритет, есть некая загадочная история о происхождении редкости, и она всех устроит. Почему бы не такой вариант? Ну да, а принципы? А что принципы? Поглядывать на эту шатенку сейчас — это тоже не принципы... Все мы люди, почему Финозов будет исключением?

На повороте на Бежицкой за тонированным стеклом мелькнула в дымке панорама дремавшего в речной долине его родного района с заводскими трубами БМЗ; эта с детства знакомая картина задела какой-то рычажок в его душе, перед его умственным взором словно мелькнула вспышка, и жаркая волна накатила снизу, перехватив горло неизвестно откуда взявшимся комком.

«Родители! Родители на выезде! Они даже и не поймут, все равно признают... зов крови же! Узнать, что здесь делать, как устроиться, как паспорт получить, а уж тогда... Я и заработаю и помогать буду, старший сын вроде... а как же я тогда с самим собой полажу? Что-нибудь вместе придумаем. Какой-нибудь родственник буду. Двоюродный...»

— У Пролетарского остановите! Вот здесь!

На Пролетарском сквере Виктор не увидел круглосуточно-

го магазина у остановки, но зато по скверу были разбросаны несколько киосков в виде резных избушек, а на бетонной площадке, где обычно останавливался зооцирк, красовалась на низком бетонном постаменте огромная черная «Лебедянка»¹, символ послевоенного возрождения Бежицы.

«Жалко, что не «Пятилетка»... Ладно, потом, потом будем смотреть. Потом будет много времени».

Цель была совсем рядом — серый брусок хрущевской силикатной пятиэтажки с длинной стеклянной лентой витрин магазина «Силуэт» на первом этаже; только с торца выросла какая-то чужеродная железная будка, выкрашенная ярким кровельным суриком, — вроде автоматостанции. Знакомый подъезд, и все так же скрипят за спиной детские качели, будто занесенные сегодняшним ветром-хулиганом из школьной поры, когда здешних пацанов считали «за Кордоном». Дверь подъезда открылась: какой-то мужик выносил синее пластиковое ведро в мусорку. Виктор не стал ждать и тут же проскочил на лестницу.

Вот дверь, стальная с деревянными реечками для красоты — такая же. Такая же! Сам вызывал ставить в девяностых! Кнопка — такая же! Где-то в глубине послышался знакомый гонг. Колокола... Да, как же он совсем забыл-то — там, внизу, была ступенька! Пацанами собирались, Одуван на гитаре брэнчал ту самую, Геннадия Старкова, про колокола! Свет в глазке... они дома, открывают! Что сказать? «Я вернулся...»

— Еремины? Так их здесь нет. Они же переехали.

Небольшая старушка в накинутом на плечи сером вязаном платке из козьего пуха держала в руках деревянную ложку и глядела на Виктора удивленно-добродушными глазами из-под узких, современного фасона очков в тонкой черной оправе. Из квартиры доносился запах горячего яблочного варенья.

— Простите... А вы не помните куда? Я из родственников, мне тут адрес этот дали...

— А это давно уже, лет десять. Вот как сын у них в Коломне женился, они квартиру обменяли и к молодым съехали. Множественный обмен еще был, а в эту квартиру мы вселились. И вот как переезжали, не видели их с тех пор никогда, не бывают они в Брянске. Если бы заявлялись, я бы вам могла сказать, а так... А вот вы на заводе узнайте, может, там кто из знакомых работает, вдруг подскажут.

¹ Отечественный паровоз серии Л, названный так в честь конструктора Л. Лебедянского. Далее — «Пятилетка», паровоз, увиденный В.С. Ереминым во второй реальности (см. «Дети Империи»).

— Да, точно. Спасибо вам! Всего доброго!

— И вам тоже! Может, зайдете чайку попить с дороги? Я варенье варю, яблочки осенние, попробуете, похвалите... Из своего сада.

— Спасибо огромное, мне бежать надо, может, действительно у кого из знакомых узнаю!

Магнит двери подъезда шелкнул за спиной. Впереди разверзлось пространство, в котором можно было бежать по любому направлению, не опасаясь описанных фантастами парадоксов. Законы теории вероятности надежно защищали Виктора от встречи с двойником. Правда, Сталин в третьей реальности нашел родителей Виктора, но вмешиваться не стал.

«А ведь искал только родителей по матери. Помешались они всем миром в этом тридцать восьмом на пятом пункте...»

Виктор машинально перешел через улицу в направлении Орловской, где уже не было его квартиры, но на углу Брянской Пролетарской дивизии спохватился и повернул налево, к остановке. Мемориальная доска в честь Брянской Пролетарской была на месте. Ну да, здесь война была, и дед погиб при форсировании Десны, поэтому родители встретились и поженились здесь, и так далее. Но кто же исправил ее, эту историю, когда и зачем...

Для успокоения он гнал себя вперед. Сзади загудела зеленая «тройка» с гармошкой, он прибавил ходу и вбросил себя на остановке в задние двери, то есть в четвертые от головы.

— Садитесь, отец!

Чувачок-меломан с плеером «Весна» и в синей кепочке уступил Виктору кресло. Виктор замылся:

— Спасибо... Да я постою.

— Да садитесь, садитесь, мне сходить скоро, а вы с пакетами, неудобно же.

— Спасибо. Удачи вам.

— Спасибо... — Парень смущенно улыбнулся и стал в проходе, держась за свисавшую с поручня, как в трамваях, петлю. Судя по звукам, долетавшим из наушников, он кайфовал от старого доброго «Don't Worry, Be Happy» («Не парься, расслабься»).

«Воспитанная нынче молодежь пошла», — машинально подумал Виктор и вспомнил, как они сами двадцать лет назад шокировали москвичей, уступая старшим места в метро. Кстати, если судить по видневшимся наушникам на головах пассажиров, нынче пошедшая молодежь массово запала на CD-плееры.

Решив внять настойчивому совету оцифрованного Бобби Макферрина-младшего, теперь Виктор больше обращал внимания на то, что произошло с городом. Напротив Московского микрорайона, до Пушки, вечное болото с гнилой водой между

старой и новой дорогой к мосту было засыпано, и на этом месте был разбит сквер, где среди зеленых молодых елочек, к удовольствию детей, шумел фонтан и возвышалась пластиковая фантазия из горок, лесенок, каруселей и каких-то еще аттракционов, которых он не успел разглядеть. Рядом с Первомайским мостом возводили опоры нового, третьего по счету. Запустения здесь не чувствовалось, наоборот, царили обустроенность и порядок, как в юбилейном восьмьдесят пятом, когда праздновали тысячелетие города, и это начало успокаивать Виктора.

«Значит, я могу себя поздравить, — подумал он, — в этой реальности мы, то есть другой я, сошлись с Ларисой. Боже, что это была за страсть! Какой мы были парой! Рядом с ней ты был просто другим человеком — сильнее, умнее, благороднее... какое это было счастье! Готов был всю жизнь носить ее на руках... И на работе неплохо было, перевелся в приличное КБ, куда в основном местные устраивались... Ну, вообще-то и здесь, в Брянске, завод оказался не хуже. Просто ей надо было выбрать из нас двоих, и она выбрала тогда не меня, но это не конец жизни, у меня потом и семья сложилась, и дети появились... а здесь я, то есть другой я, все-таки с ней, и это прекрасно, пусть они будут счастливы... а ведь тогда ты тоже думал «пусть они будут счастливы», точнее — «пусть она будет счастлива» и «не буду мешать». Не буду мешать. В конце концов, второй я мне немного родственник...»

Тут до Виктора дошло, что за проезд он так и не заплатил. «А кондукторов-то тут нет, наверное», — решил он, вспомнив о кассе в маршрутке.

— Простите, тут куда передают — вперед или назад? — обратился он к сидящей слева у окна женщине, которой можно было бы дать где-то от сорока до восьмидесяти, надеясь узнать заодно, и сколько билет стоит.

— Гражданин! — возмущенно отпарировала дама. — Степенный, культурный человек, а...

— Простите, о чем вы? Я за проезд передать.

— А как будто вы не знаете, что троллейбус давно бесплатный! Вы же не на Луне живете!

— Понимаете, я долго был в командировке. Помогал братскому народу... одному.

— А! Ну уж вы тогда простите.

— Да ничего. Хорошо резидентам иностранных разведок — их готовят, а тут только удивляешься — как все изменилось!

— И не говорите. Вот вы же, наверное, слышали — интуристов в космос будут возить, чтобы в стране валюта была?

— А вот насчет этого, кстати, что-то было. Точно. Только

насчет троллейбуса — раньше, например, считали, что бесплатным нельзя сделать, потому что тогда троллейбусов на линии не будет.

— Ага, сейчас попробуй «не будет». Компьютеры! Вы представляете — за каждым троллейбусом следят из космоса! Вот мы с вами едем, а за нами спутник следит. Смотрят, по расписанию идет или нет. Все это — чтобы не было дефицита личных машин. Вы же видели, что у них *там* творится? Это же ужас! Никакой экологии, смог, шум...

— Пробки...

— Вот-вот. У них там на улице дерево не растет, только толпа, как стадо, туда-сюда, туда-сюда... Как они там с ума все не сходят?

— Привыкают, — вздохнул Виктор.

Дама понизила голос и придвинулась к Виктору:

— Вот вы мне, пожалуйста, только честно скажите — *там* жить можно? Или как?

— Ну... я в общем-то не выбирал... Человек к разным условиям может привыкнуть.

— Да. Значит, правильно у нас теперь все показывают. Что у них там в магазине сорок марок холодильников на выбор, а с пробками ничего сделать не могут. Куда ихний народ только смотрит?

— Это очень тонкий вопрос... тем более что я-то, собственно, по компьютерным технологиям.

— Очень хорошо. Может быть, компьютеры и помогут им разобраться со своими.

«Надо сматываться. А то в разговоре по незнанию что-нибудь ляпнешь».

Глава 5

«КОННЕКТ» С ВИКИПЕДИЕЙ

— Остановка «Телерадиотовары»! Пассажиров просят заранее подготовиться к выходу! — объявил автоинформатор голосом дикторши брянского радио.

Местность у остановки он не совсем узнал. Район этот в народе звали Макаронка — в честь макаронной фабрики, что появилась здесь к радости местного населения в полуголодные послевоенные годы, а по пришествии макаронного изобилия на советские прилавки была сослана в менее стеснительные условия Фокинской промзоны; название же остановка получила по магазину за квартал отсюда, к которому когда-то заворачивали троллейбусы. Здесь тоже всю шла стройка:

зеленые довоенные деревянные домики по Дуки были уже снесены (хотя и в реальности Виктора их начали сносить), а на первом этаже новенькой девятиэтажки, прямо возле остановки, красовалась вывеска: «Промкооператив «Коннект». Инновации в информации».

Душа Виктора Сергеевича перевела эту вывеску как «Не проходите мимо». Душа желала увидеть милые сердцу стеллажи с мониторами, системными блоками, клавиатурами и мышами, с материнскими платами и харддрайвами (хотя бы айдишными), а также разные там видюхи, сетевухи, зеленые планки оперативки, похожие на расчески, модемы, хабы и прочая. Душа залихватски свистнула и понесла ноги Виктора Сергеевича прямо к стеклянной двери заведения.

Но у самой двери Виктора Сергеевича остановил Голос Разума.

«И что ты там собрался увидеть? — вопрошал его Голос. — Пыльные ДВК, у которых надо было трясти пятидюймовый дисковод, чтобы заработало? Разве ты не знаешь, что настоящий прогресс в вычислительной технике у нас начался с момента, когда в нашу страну хлынули импортные персоналки? Разве ты не знаешь, что советские заводы никогда не могли слепить ничего подобного? Разве ты не знаешь, что СССР отстал по компьютерам навсегда? Разве ты не знаешь, кому мы обязаны интернетом?»

В раздумье Виктор взглянул на часы, затем на расписание работы. Заведение должно было быть уже десять минут как закрыто, хоть таблички и не висело. Но последнее необязательно.

«Ну вот, вопрос решен естественным путем...»

— Гражданин, вы проходите или как?

Виктор пробормотал «Извините...» — и машинально вошел внутрь. Дверь не была заперта.

Холодок из кондиционера и легкое расслабляющее щебетание Амаи Сейкацу, объемно порхающее по офису, показались чем-то привычным и естественным. В остальном же магазин был совершенно не похож на компьютерный.

Прежде всего, в нем почти не было витрин. Вместо этого в торговом зале была куча цветов, среди которых уютно размещались столики с каталогами и мебельные комплексы. Висящие на стенке круглые кварцевые часы показывали время на час позже.

«О как! Смещение времени началось! А раньше вроде не было... Стоп. Это же просто у них нет перехода на летнее время! Во второй реальности я был по зимнему, а в третьей... в третьей тоже мог быть переход на летнее, его же еще Времен-

ное правительство вводило. Да мало ли как там они стрелки крутили».

— Сюда проходите, пожалуйста! — позвала Виктора к офисному столу девушка, совсем еще молодая — лет ей, наверное, было двадцать или почти двадцать, — осветленная шатенка, курносая, с озорным хвостом волос на затылке, который подчеркивал ее юный возраст. Макияжа на ней почти не было, а в одежде не чувствовалось дресс-кода, ставшего идиотским обыкновением реальности Виктора. Вязаный по «Сабрине» жакет из подернутой дымкой осеннего утра синельной пряжи с небольшим воротом мягко и ненавязчиво подчеркивал округлую выпуклость бюста; явная скромность и тайный вызов попеременно заигрывали со взглядом посетителя. Традиционного бейджа тоже не было — да и в этом случае было бы неясно, как его приколоть.

— Меня зовут Виктория Константиновна Имашева, а в общалках у меня имя Викки¹. Пожалуйста, присаживайтесь, чтобы я помогла вам выбрать.

— Да нет, спасибо, я пока хотел бы посмотреть.

— Смотрят у нас здесь.

Виктор обратил внимание, что на столе стоят два обтекаемых бело-голубых яйца-монитора, по внешнему виду напоминавших первые iMac'и; один к девушке, другой — к покупателю. Он присел на темное офисное кресло из гнутых трубок; со стороны Викки повеяло приятным незнакомым нежным цветочно-фруктовым ароматом духов с нотами зеленой розы, ландыша, сирени и тибетского мускуса.

— Вы для дома берете или организации?

— Для дома. Если, конечно, для дома их продают.

Викки смущенно улыбнулась и потерела электронные часики-брелок в стиле техно, придававшие свитеру расчетную стрелу прогиба между чашечками.

— Шутите. Конечно, для дома продают. А крупные предприятия или организации обычно заказывают выезд специалистов на место для анализа и постановки задачи, чтобы составить ТЗ². У вас уже есть компьютерная техника, или вы впервые берете?

— Нет, у меня компа еще нет, вот хожу, присматриваюсь.

— Здесь мы выберем решение согласно вашему интервью.

¹Точнее — ВикКИ.

²Техническое задание.

Консультант съездит с вами на квартиру и посоветует, как лучше вписать оборудование в вашу обстановку.

«Хм, тут, наверное, компы элитная вещь и их обычно с мебелью заказывают...»

— А просто компа у вас нельзя купить? Чтобы на письменный стол поставить?

— Ну, во-первых, как вы знаете, мир окружающих вещей определяет наше здоровье, а так называемые компьютерные столики за рубежом вносят в дом диссонанс, превращают его в контору. Поэтому мы предлагаем разные решения.

С экрана второго монитора исчезла заставка с водопадом, и вместо нее показались фотки.

— Это «Интеллект». Шкаф, который после работы вы можете закрыть и откатить в угол. На полках можете разместить диски и книги. «Компакт» — часть мебельной стенки. Вот так откидывается крышка и превращается в компьютерный стол...

«В принципе такое и у нас есть. Только магазинам выгоднее торговать обычными столиками. Меньше геморроя».

— Для маленьких комнат — «Ботаник». Рабочее пространство под кроватью, кровать на втором уровне. В студенческих общежитиях обычно такие.

— А попроще чего-нибудь, подешевле?

— Ну... стоимость же зависит от подключения. У вас какое дома подключение?

— Подключение?

— Ну да. Если у вас стоит еще «Домолиния-1», то вам есть смысл брать комплекс четвертого класса с текстовым монитором двадцать три сантиметра, если «Домолиния-2» — графическим тридцать семь, и так далее.

— Так у меня еще нет подключения.

— А как вы собираетесь работать?

— Ну, как... включить и работать.

— А как же... где же программы будут?

— Ну как где? В оперативке... на жестком диске будут.

— Это вроде персоналки?

— Ну да.

Викки опять улыбнулась. На этот раз — снисходительно.

— Эпоха персоналок прошла, — произнесла она тоном учительницы младших классов. — Это тупиковое направление, которое фирма «Эпл» выдавала за главный путь развития, чтобы обойти конкурентов. Если вы покупаете персоналку, вам надо покупать систему и пользовательские программы, драйверы, настраивать прерывания, надо хранить свои данные, делать резервные копии, одним словом, брать на себя

всякий геморрой. И общаться и смотреть сетевые ресурсы вы все равно не можете, пока не подключитесь в сеть...

— Простите, Вика, а вы случайно не брянский «пед» кончали?

— Еще не кончила. Я на четвертом, а вечером здесь подрабатываю. На преподавателя информатики учусь. А как вы догадались?

«Ясно. Википедия».

— Интуиция. Можно продолжать, я слушаю.

— Так, на чем мы... А при подключении к домолинии у вас сразу все — и программы, и новости, и погода, и разные ресурсы, и распечатать все, что надо, вы можете. И никаких вирусов! Вы же знаете, там, на Западе, попытки создать эффективный сетевой компьютер не удались из-за противодействия фирм «Интел» и «Майкрософт»...

— Неужели? — невольно отреагировал изумленный Виктор, который всегда считал, что здесь сыграли роль и определенные технические трудности.

— Конечно! Только в условиях нашей плановой экономики удалось реализовать комплексный подход. Вы подключаете терминальную станцию к домовой сети — в зависимости от поколения сети это может быть от простого текстового терминала на восемьдесят символов в строке до так называемых тонких клиентов с графическими терминалами. За рубежом такое находит применение в банках, где важны надежность и защита информации. Ну и потом, вам надо будет на бумаге что-то распечатать — как вы это сделаете без сети?

— А что, принтеры дефицит?

— Ну, их же частным лицам вообще не продают.

— А, ну да. Как и ксероксы, верно?

— Конечно. Поэтому посылаете в пункт печати и получаете там бумажную копию не на каком-то матричном, а на лазерном. Прямо как в типографии.

«Ладно. В конце концов, если задаться целью не дать каждому свободно печатать... но зачем тогда развивать сети? Они же в электронном виде будут пересылать».

— ...А вот в варианте стола со стеклянной крышкой удобно набирать текст, держа рядом разные бумаги. Это удачная альтернатива копихолдерам...

— Понятно. Но я только сегодня приехал в ваш город и вряд ли скоро успею подключиться. Что бы вы могли посоветовать?

— Если часто ездите, можно «Кристалл-98». Но он дорогой, тянет где-то на десять минималок первой.

«Прилично...» — подумал Виктор, уже прикинув, что «минималка первой» — это где-то в местных под двести пятьдесят.

— А взглянуть можно? Может, накопить, и?..

— Пожалуйста.

Перед Виктором появился маленький субноут, чуть поуже современных нетбуков, только потолще, сантиметра три с половиной. Был он алюминиевым, пепельно-серым, под титан, и этим чем-то напоминал большой портсигар, на крышке которого виднелась рубиново-красная звезда в золотистом венке. Виктор ждал, что Викки засыплет его цифрами технических данных, но она просто открыла крышку, под которой оказалась миниатюрная, но достаточно удобная клавиатура, длинный экранчик дюймов шесть или семь и кнопочка джойстикомой мыши. Викки надавила на кнопку, и по экранчику сначала побежали символы загрузочного эхо, затем он погас, на четверть минуты высветил логотип с буквами УНАС-97, который сменился круглыми часиками, а потом рабочим столом привычного вида, без наворотов, с фоном цвета морской волны и иконками «Документы», «Лексикон под УНАС», АБАК-98, «Ариадна 2.1» и прочими знакомыми и не очень.

— Видите, практически все для работы и общения. Весит всего килограмм, клавиатура, джойстик защищенные, можно под дождем работать. Вот только с портами сложнее, здесь четыре унипорта, вы представляете, что это такое? — И она повернула корпус. Перед Виктором предстали четыре знакомые прямоугольные дырки, каждая шириной примерно с сантиметр.

«Однако! Типа «Тошибы Либретто», да еще и с USB. И сейчас бы такую нехило. Офис на ней пойдет, а больше обычно и не надо. Зато в портфель сунул и пошел. Еще и неубиваемая, судя по корпусу».

— Вы знаете, — продолжала урок Викки, — под унипорт за рубежом сейчас выпускают очень мало устройств, поэтому вам в случае чего из комиссионки мало что подойдет.

— А почему я должен идти в комиссионку?

— Ну, те, кто берет такие, часто ходят в комиссионки. Сюда пойдет в основном отечественное под унипорт — привод гибких дисков, сетевая карта, лазерный дисковод, радиомодем, даже мышь и клавиатура для унипорта есть. К нему у нас выпускают много чего, правда, все это дороже обычного. Они же в основном для армии и ГО идут, часть на гражданку, с того и дорогие...

«Интересно, куда будет глядеть полкласса на ее уроках? Можно не угадывать с трех раз...»

— Вы что-то спросили?

— Вика... Викки, а вы будете младшие классы вести?

— Нет, старшие. Когда уже пойдет системное программирование и сетевая архитектура, а что?

— Да так, просто трудно, наверное, проблемы взросления... А такого же, но подешевле у вас нет?

— Дешевле — компюляторы. Например, «Юниор» за триста пять...

Объяснить, что такое загадочный компюлятор, Викки не успела: из искусственных джунглей заведения выскочил парень в типичном киношно-хакерском прикиде — джинсы, клетчатая рубашка и кожаная жилетка.

— Телефон! Лешкин телефон у тебя? Звони скорее!

— Что ему звонить, он во Мглине. Он и на «кукурузнике» не доберется. Миш, а что случилось? А то у меня покупатель.

— Случилось. У Штольца дековский компьютер сдох.

— У какого Штольца? Из Гончарова? Извините, пожалуйста, одну минуту, — обернулась она к Виктору.

— Да ничего, я все понимаю, — ответил Виктор Сергеевич. Разговор его заинтересовал, пожалуй, даже больше, чем сама Вика.

— Какое Гончарово? Герхард Штольц, телекорреспондент «Ди Эрсте». Сейчас по телефону нашей звонили, ноут не запускается, сейчас сюда едут.

— Сюда?

— Ну да. А потом напишут — русские так и не смогли починить какой-то ноутбук!

— Не, ну а что, больше некому в Брянске?

— Да какая разница! Все одно напишут! Ты же знаешь этот скандал, когда их фирмы за взятки свой хайтек через Внешторг пихали? Они ж теперь за все вцепятся! Нет, дернуло меня уйти с «Электроаппарата»...

— Слушайте, что у них там с ноутом-то? — не выдержал Виктор. — Винды девяносто пятые или девяносто восьмые? И что глючит? Железо, ось, что?

— Да по телефону что там... Главное, была бы фря или полуось, а по мастдаю у нас никто не ковырялся... А у вас есть знакомые? Им можно позвонить?

— Позвоним, — хмыкнул Виктор, — больного надо живьем посмотреть. А что у вас так? Девяносто восьмой год вроде. Пора изучить.

— А на чем, на пиратках? Да я лучше валютой пойду спекулировать. Меньше дадут.

В зал заскочил парень лет тридцати пяти, в костюме с галстуком — похоже, это был здешний менеджер.

— Ну что? Узнали? Михаил! Виктория! Они сейчас с Полиной Геннадьевной у входа!

— Да вот тут гражданин вроде со связями, обещал гуру по мастаду, — ответил Михаил, на всякий случай вынимая из чехла свой пейджер.

— Это вы? Здравствуйте. Кондратьев Иван Анатольевич, технический директор.

— Очень приятно. Еремин Виктор Сергеевич. Пока никому звонить не надо, надо посмотреть. Может, он у них вообще накрылся.

Глава 6 СЕКРЕТ ФИРМЫ

Стеклянная дверь растворилась, и в нее вошел седоватый мужчина в замшевой куртке и с плоской темно-коричневой кожаной сумкой в руке, разговаривавший по пути с дамой лет сорока в новом темном демисезонном пальто. За ним шествовал рыжий заросший здоровяк в очках и нес на плече здоровую бетакамовскую камеру, хищно уставившуюся в пространство блендой объектива и микрофоном, чем-то похожим на глушитель пистолета. И вообще у этой камеры был вид какой-то приبلуды из фильма про роботов.

«Дама — это, надо полагать, и есть Полина Геннадьевна, какая-то шишка, седой чувак — Штольц, а это его оператор. Ноут, сто пудов, в сумке. Хотят снимать. А это в мои планы не входит...»

— Простите, Викки... можно куда-нибудь пакеты пока пристроить у вас? А то неудобно.

— Можно в холодильник. И плащ давайте, я повешу.

Вошедшая тройца на пару секунд остановилась у вешалки. Дама сняла пальто; ее слегка крупную, но стройную фигуру, словно кистью художника, обрисовывал строгий и элегантный комплект из синего шелкового крепа, состоявший из прямой юбки и жакета на «молнии», лаконично отделанного желтым кантом. Овальное лицо окаймляли длинные прямые каштановые волосы с золотистым оттенком, спадавшие на плечи, а слегка подведенные тонкие брови под высоким открытым лбом создавали выражение строгости. Внешность мужика Виктора как-то меньше интересовала, хотя деловое общение предстояло вести именно с ним. Иван, подойдя, что-то шепнул Полине Геннадьевне, та улыбнулась и подвела процессию к Виктору.

— А это наш внештатный консультант по европейской технике, он поможет провести диагностику. Герхард Штольц, Виктор Еремин.

— Добрый вечер, — с улыбкой произнес Штольц по-русски и без акцента, — компьютеры у вас не только удел молодых?

— Гутен абенд, — ответил Виктор, — в информационном обществе не должно быть неравенства.

— О да, — подтвердил Штольц, — в наших восточных землях это очень актуальная тема. Однако вот с чем мы к вам пришли.

Из сумки на столе появился изящный, хоть и немножко толстоватый по нынешним временам пластмассовый прямоугольничек приятного табачного цвета с белыми буквами «Digital» на маленьких красных кирпичиках, выложенных в ряд посреди крышки.

«Стильно, — вздохнул Виктор. — А ведь когда-то это основной конкурент был для IBM. PDP-11 в Союзе копировали. Вечная память бренду».

Правильный пацанский ноут, подумал Виктор. Пень ММХ, четыре гига винт, тридцать два оперативка, почти четырнадцать дюймов экран, сидюк, даже реальный тачпад вместо шарика — почти все, что надо для того, чтобы писать романы и шариться по инету. Вот разве что USB нет. Но у них там, при капитализме, под него почти ничего еще не сделали... Ого! Даже NT4 стоит, судя по наклейке, не какая-то там «девяносто восьмая» для чайников.

— У вас хороший выбор, герр Штольц.

— Мне его посоветовал наш компьютерфахперсонал. Кстати, у нас неплохо устраиваются эксперты из СССР.

— Я не планирую выезда. Да, и одно условие: абсолютно никаких съемок.

— Почему?

— Гешефтсгехаймнис. Секрет фирмы.

— О, это серьезно. — Герхард сделал знак рукой оператору, и тот опустил камеру.

Виктор подключил блок питания — загорелся глазок светодиода — и неторопливо открыл крышку. Из офисной акустики как раз к месту зазвучал ремикс темы X-files.

Собственно, ковыряться пришлось недолго. Автор опускает описание самой процедуры не из слабого представления об оной, а потому что даже компьютерщики в ней ничего нового и интересного не найдут. Дело в том, что в абсолютном большинстве фильмов про кулхацкеров зрителю просто морочат голову. Вся эта интимная жизнь IP-пакетов, вымученная рендером в 3D-Max, все эти корявые кореловские схемки сетей, на фоне которых всплывает огромная, как блокирующий троянский порнобаннер, надпись «ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ», куда пишут слово «ПАРОЛЬ», все эти progress bars, показывающие

каждое почесывание ядра системы, удаления файлов и перевод миллиардов в центральный банк Катманду, все эти байки о хакерских антивирусах (делать им нечего, хакерам, кроме как базы пополнять) — все это муть, а описание того, что делал Виктор, можно найти на десятке форумов.

Короче, Виктор быстро обнаружил, что гость Брянска, как это нередко делают незадачливые юзеры, снес в корне диска C: файлы ntldr и ntdetect.com, без коих система не разберется в устройствах компьютера. Виктор мысленно поблагодарил себя за то, что он таскал в своей барсетке CD-портмоне, где был, естественно, диск LiveCD — а в наше время айтишник без инструментов с магическими названиями «LiveCD» и «загрузочная флешка», это все равно что мобила без SMS, — ну и завалился у него, то есть Виктора, еще древний пятый сервис-пак к NT4 (если читатель не знает, что это, то можно подробно не объяснять, главное, что этот самый сервис-пак оказался под рукой, как традиционный рояль в кустах у писателей-фантастов). Вопросы, можно ли что-то скачать с сайта «Microsoft», Виктор не задавал. Мало ли, тем более при иностранце.

— А мои документы тоже будут целы? — спросил Герхард, когда увидел на экране знакомую картинку загрузки с косым флагом дядюшки Билли, который последние полгода вызывал у Виктора определенные ассоциации с эстетикой вечного рейха.

— Надеюсь. Во всяком случае, вирусов я у вас не нашел. Но антивирус на всякий пожарный поставьте.

— Думаю, тридцать марок не сильно напрягут мой бюджет. Последнее время антивирусные программы подешевели почти вдвое. Какую посоветуете?

— Из ваших зарубежных — NOD32...

— Его уже закончили тестировать?

— Ах да... Тогда нортоновский, это беспроегрышно.

«Если он софтом интересуется, как же он системные файлы грохнул? Хотя... с каждым может случиться».

— Наши специалисты говорят то же самое. Похоже, «железный занавес» работает только в одну сторону — вы знаете все про нас, а наши зрители про вас очень мало. Кстати, информационная индустрия Германии, несмотря на общеевропейский кризис сбыта, действительно нуждается в грамотных и нестандартно мыслящих людях из любой страны.

— Это уж лучше вы к нам. У нас тут спокойнее.

«А спокойнее ли? Хотя с точки зрения совкового обывателя — сто пудов...»

— Спасибо, но долг журналиста в демократическом обще-

стве — быть там, где беспокойно. Например, на Ближнем Востоке.

— Как Пауль Вольф с БФП?

— Не слышал...

— Нет, это рассказ такой, фантастический...

«Вторая и четвертая не пересекаются. Это хорошо... А почему я решил, что это хорошо? Ладно, будем думать, что хорошо. Превед рейхсминистру пропаганды».

— Еще раз вам спасибо, рад был пообщаться с вами, — продолжал Герхард. — Удачи вам в СССР.

— Глюк ауф! — с улыбкой ответил Виктор.

Герхард непринужденно расхохотался и продолжил беседу с Полиной Геннадьевной, собирая вещи.

— Если вы не спешите, вы не могли бы немного подождать? — шепнула Виктору на ухо Вика. — С вами хотят поговорить.

Глава 7 ЛЕДИ ДЕ ВЕНЧУР

«И кто хочет поговорить? — подумал Виктор. — Представители органов? Контакт с иностранцами? Я человек случайный. Проходил мимо, попросили помочь. Много говорил? Ну дык для престижа страны... отпор идеологическим диверсиям и этим... провокациям. Журналист за невозвращенчество агитировал, смолчать — будет неправильно истолковано. Меня ж никто не инструктировал. Пауль Вольф... может, их заинтересовало, кто такой Пауль Вольф... не условный ли знак? Ну дык из фантастического рассказа. Чьего рассказа, кто автор? Да черт возьми, я и автор, я его сочинил, незаконченный, если надо, сам и запишу, что Наташа рассказала. Да... Дурак был этот Пауль, от такой бабы в горячие точки мотался».

— Я не спешу.

— Идемте.

Через коридор за торговым залом они прошли в небольшую комнату, на двери которой красовалась табличка «Директор». С виду это был обычный скромный офис, в интерьере которого необычно и приятно сочетались цвета кофе с молоком и выгоревшей травы; разве что опять-таки монитор не на столе стоял, а проглядывал в просвет тонированной стеклянной столешницы. Принтера видно не было — на тумбочке, где обычно его ставят, мягко струилась вода в мини-фонтанчике. У окна высокие металлические стоечки под сидюки служили опорой для выющихся цветов; на стене висело несколько по-

четных грамот и дипломов с советским гербом. Вообще цветы располагались по всему кабинету: украшали стол, возвышались из пластиковых кадок на полу, образовывали живописную горочку в углу, свисали из настенных кашпо и, конечно, обрамляли большое окно с пластиковыми рамами; здесь Виктор понял, от кого шла идея превратить торговый зал в зимний сад. В активных колонках под потолком тихо щебетали виртуальные птицы. Щелкнул автоматический кофейник.

— Извините, если заставила вас ждать, — раздался за спиной сильный, чистый голос. Виктор обернулся и привстал: перед ним была Полина Геннадьевна. Легкий сквознячок от двери донес до Виктора изысканный аромат «Злата скифов», замысловатый букет-воспоминание о дореволюционной роскоши, где бергамот, пачули и амбра соседствовали с ванилью и сандалом.

— Сидите, сидите! Вы нас сегодня так выручили, просто невежливо было бы вас просто так отпустить. — Она открыла шкаф и вынула оттуда небольшую плоскую бутылочку коньяка и две рюмочки.

— Нет-нет, спасибо, не надо! Любой на моем месте поступил бы так же.

«Еще неизвестно, где сегодня ночевать придется. На всякий случай не надо, чтобы спиртным пахло».

— Врачи не позволяют?

— Почему, позволяют. Просто сегодня еще по делам бегать.

— Тогда кофе, если не возражаете. — Она налила две чашечки кофе, по классической традиции советских времен капнув туда рижский бальзам из глиняной бутылочки. — Собственно, если вы не против, хотелось бы узнать ваши координаты, чтобы, если что, связаться.

— Понимаете, Полина Геннадьевна, я только сегодня приехал в Брянск, еще не успел устроиться.

— Раньше работали за рубежом, в недоразвитых странах?

— Вы просто Шерлок Холмс.

— Ничего удивительного. Во-первых, лейблы фирм Юго-Восточной Азии, во-вторых, вы на «ты» с продуктами «Майкрософт», а наше вроде как в новинку... ну и непринужденно говорите с иностранцами — хотя это уже многие так. Наверное, интересная работа?

— Ну... к сожалению, я лишен возможности пускаться в подробности... в общем, так: трудная, но интересная.

— Я поняла. А вы у нас надолго собираетесь?

— А еще ничего не решено. Но пока все складывается к тому, что надолго.

— То есть на какую-то работу будете устраиваться?

— Да с работой, честно говоря, пока еще ничего тоже не решено. Первый день только.

— А у нас не хотели бы поработать? У нас кооператив развивающийся, с перспективой.

— Да с удовольствием, только вот паспорт пока у родственников, тут маленькие организационные вопросы.

— С разменом квартиры, что ли?

— Ну... быт, от него никуда не деться.

— Да, тут долгая песня... Понимаете, можно устроить подработать без официального оформления... ну, нет правил, которые нельзя обойти, знаете, но с зарплатой тогда выйдет не больше полутора минимумов. Устроит ли?

— Ну... а в принципе, пока паспорт не передадут, никуда все равно не устроиться, а если действительно надолго, то пока устроит. Ну а потом с паспортом нормально оформим. Понимаете, не привык без дела болтаться.

— Я тоже. А если бы осрамились с этим ноутбуком в международном масштабе, нас бы точно прикрыли. Это же не наша частная собственность, а хозаренда у государства.

— И всех бы выставили на улицу?

— Нет, у нас же Союз, а не Сомали... Вернулись бы на завод, но начинать снова, организовывать, столько нервов, да и доверия такого уже не будет. А почему вы не спрашиваете, что за работа?

— Насколько я понял, это поддержка компьютерных систем, создание и поддержка мультисервисных сетей, информационная безопасность...

— И вебмастеринг. Не сталкивались?

— Сталкивался.

— Отлично. В общем, наш кооператив относится к венчурным предприятиям, то есть проектирует и реализует комплексные ИТ-решения (она произнесла «и-тэ», а не «ай-ти») производственного и социального назначения, а также обслуживает нестандартную, редкую технику, для которой на местах нет сервисной сети. Так что скорее получайте паспорт, чтобы по-настоящему развернуться. Вы, кстати, где остановились?

— Да пока еще нигде.

Дверь приоткрылась, и в нее заглянул Кондратьев.

— Ну мы пошли, Полина Геннадьевна! Отчет за день я вам в папку сбросил!

— Хорошо, Ваня! Всего доброго! Слушайте, — продолжала она, обращаясь к Виктору, — у нас тут в дежурке кровать стоит, чистое белье постельное в шкафу в пакете. Тут единственно что надо — если вдруг телефон позвонит, ответить. То есть

автоответчик запишет вызов, а звонок в дежурке разбудит. Сегодня как раз дежурить некому, у всех дела, наших комсомольцев зачем-то срочно в оперотряд вызвали на вокзалы дежурить... Вы случайно не в курсе, что стряслось? Случайно не президент приезжает?

— Нет, ничего не слышал...

«Президент... при сталинизме у них президент? А почему бы и нет! О чем это говорит? Что роль партии не выпячивают. Ну дык не построила коммунизм, вот и... Ребрендинг, смена имиджа».

— Кстати, у Самолета проверяли эти... сотовые.

— Тогда кого-то ловят, не было такого раньше... Может, маньяк завелся и не хотят население пугать?

«Как бы еще на меня не того...»

— А что, может быть. Говорят, процент маньяков на душу населения во все века одинаковый.

— Уж думала, самой оставаться придется. Вы можете у нас сегодня и заночевать, а там уже и определиться, а то и вообще у нас пока поживете.

— Простите, это... то есть, Полина Геннадьевна, я ведь незнакомый человек с улицы... не совсем понял... А вдруг, простите за глупый вопрос, я украду здесь что-нибудь?

На лице бизнес-леди отразилось неподдельное изумление.

— Ну, украдете — сядете. Тут где матценности — сигнализация, видеокамеры, фотография ваша уже есть, запись голоса... Смысл-то какой жизнь калечить? Не понимаю... А у вас там что, часто воруют?

— Ну да, конечно... Народ бедный, нищих, бомжей — ну, этих, бродяг — много... правоохранительные органы коррумпированы, суды... наркомания, проституция... зато интернет есть...

«Боже, что я несу... Боже, какую чушь я несу...»

— Тогда понятно. А у нас это — покушение на госсобственность. Это же арендуемое имущество, и налог в казну идет.

— Да. Вы простите, я, наверное, глупость сказал...

— Ну что вы! Я же понимаю, что там совсем по-другому живут. Когда-то у меня тетя ездила Асуанскую плотину строить — боже, какая там у египтян нищета была! Ни образования, ни медицины, вот только торговаться и бакшиш просить — это там поголовно все умеют. Она приехала, говорит — какое счастье, что мы в Союзе родились.

Виктор внезапно почувствовал себя Гулливером, который попал в страну великанов. Или на остров гуингнмов, разумных лошадей, где в его сородичах видят жалких оскотинившихся йеху, только из вежливости в глаза не говорят.

А ведь государство в этой ситуации у них даже не за граждан борется, подумал Виктор. Оно борется за себя. Оно, его номенклатура, или как там у них называется, охраняет свои ценности, свою способность защищаться, чтобы его не растащили. Оно у них существует как целое, а не просто как сумма людей, каждый из которых на своем месте рвет одеяло на себя. Неужели хотя бы этого достаточно, чтобы для обычного, еще не увязшего в криминале человека не стало соблазна воровать?

— Большое вам спасибо! А то действительно — что вам тут оставаться, тем более как в семье посмотрят?

— В семье — нормально. — Полина улыбнулась, но как-то по-другому, и Виктор почувствовал в ее голосе горькую каплю грусти. — Я вообще-то одна с дочерью, уже давно, дочь взрослая, учится в Ленинграде в экономическом, уже определила себе будущего спутника жизни, так что дома скандалить некому. А ваши как, где учатся?

Виктор пожал плечами:

— Знаете, у меня была семья, но...

— Разошлись?

— Нет. Стихия природы.

— Простите. Не хотела напоминать...

— Ничего. Если честно, я здесь именно поэтому.

— Мы тоже не разошлись... Он был специалист по топливной аппаратуре. Гонка вооружений... Тогда еще не было лоббанцевской теории ошибок.

Она промолчала несколько секунд, словно собираясь с мыслями.

— Виктор Сергеевич, тогда вам надо обо всем этом не думать, а просто окунуться в работу. Для меня, знаете, тоже эта фирма — как семья. Или как дачный участок — человек не просто с него что-то имеет, он им живет. Деньги — знаете, всех их все равно не заработаешь и на тот свет не возьмешь, а вот это, — и она обвела рукой пространство, — после тебя людям останется.

— «Все остается людям»?

— Тоже любите этот фильм?

— Да. Такой вопрос, извините, если несколько странный: на моей памяти Союз был несколько другим... Скажите, а вот бюрократия кооператив не сильно зажимает? Взятки не вымогают? Вообще, вы не боитесь, что государство все это в один раз возьмет и ликвидирует просто так? Тем более что не собственность, а аренда?

Полина Геннадьевна растерянно пожала плечами, словно найдя вопрос странным.

— Это же не троцкизм, а сталинизм. А сталинизм — это модернизация.

— Да, в нашей стране многое изменилось... — задумчиво протянул Виктор, ничего не поняв, и тут же поспешил добавить: — К лучшему.

— Еще бы! Вы же помните, как мы к восьмидесятому по компьютерам отставали? Копировали, а что копировать? Запад уже новые создавал. Зато сейчас иностранцы приезжают и удивляются, что сетями у нас, оказывается, пользуется больший процент населения, чем в Европе. Можем, оказывается, все можем, главное, чтобы паразиты всякие народ не тормозили... Слушайте, я, наверное, вас заговорила? Пойдемте покажу, где устраиваться.

...Дежурка напоминала скорее комнату психологической разгрузки: много цветов, диван, кресла, столик, пластмассовый электрокофейник, одежный шкаф конца пятидесятых и старая микроволновка «Электроника», с одним переключателем и без гриля. Видимо, сюда стаскивали, кому что больше не нужно. Правда, в комнате не оказалось даже самого вшивого телика, что крушило надежды Виктора идейно подковаться в местном сталинизме, зато была слегка покоцанная магнитола JVC оруэлловского года.

Леди де Венчур, как Виктор мысленно прозвал Полину, попрощалась и вышла, оставив в комнате брелок с несколькими ключами, карточку сигнализации входной двери и ностальгическую атмосферу «Злата скифов». Пора было обдумать свое положение.

Глава 8 ПРАВА ПЕРВОЙ НОЧИ

Читатель наверняка уже заметил, что в начале каждого подания главный герой занимается одним и тем же: ищет стартовый капитал, жильё, источник доходов, изучает ОБЖ, то есть как жить в новом мире и не высываться, и только потом начинает думать о своей легализации, а уж ситуации, требующие от него высокого гражданского сознания и долга, его либо найдут, либо нет. Однако если те же вещи вдруг произойдут с большинством из нас, то есть если уважаемый читатель попадет в другую страну или, наоборот, другая страна попадет к нему в результате реформ и демократических процессов, то ему придется заниматься практически тем же. И хорошо, если в бывшей собственной стране не выяснится, что ему заново придется получать гражданство, доказывать, что он не верб-

люд, и вообще не придется учить другой язык, который по демократическому волеизъявлению одного из живущих здесь народов объявлен государственным. Очень мало вероятности, что в первый же день своего пришествия в такой мир наш читатель будет мерить шагами планету с двуручным мечом за спиной, отфутболивая разношенными берцами головы врагов и каждые сто метров повергая красавиц от восемнадцати до двадцати восьми на нескошенные ромашки. Сэ ля ви.

Осмотрев свой приют, Виктор обнаружил, что воровать действительно особо нечего. Помещения и кабинеты закрыты и поставлены на сигнализацию, и кроме служебки доступны коридор, санузел и маленькая кабинка душевой. По сравнению с вариантом остановиться на квартире ничем не хуже — разве что смущает, что все время на виду. Хотя если гастарбайтера тут не прячут, ничего особенного. Может, это даже и лучше: мелькать все время на виду — скорее привыкнут. Купленные продукты надо было уничтожить, начиная со скоропортящихся. То есть с молока, сметаны, творога и сосисок. Сосиски придется готовить в микроволновке, а это ужасно — они лопнут, вывернутся и станут совершенно безвкусными. Ладно, хоть не тридцать восьмой и не надо объяснять, почему они в пластиковой оболочке.

Так. Переходим к конспирации. Деньги легендировали и поменяли. Мобилу и паспорт на месте работы прятать не будем. Хватит уже, научены второй реальностью. И с собой таскать не будем, как в третьей. Ах, черт, надо же еще и диски с прогами двадцать первого века схватить. Вот бы для отвода глаз еще LiveCD из местного сорца забачать... Хорошо, в двадцать первом их готовых навалом, так и нужды не было. Ладно, подумаем, обмозгуем идею с местными гениями. А насчет того, где спрятать... В Брянске три вокзала: Брянск-Орловский, Брянск-Льговский и Орджоникидзеград. Сделаем как гражданин Корейко — будем таскать с вокзала на вокзал по камерам хранения. Типа приезжий. На вокзалах, однако, оперативники. И что? Документы проверять будут? Большинство народу в СССР по вокзалу шастало без паспортов, особенно кто на электричку. Да и дальнего следования без паспорта брали, это вам не на самолет.

Стоп. Ну, то, что приезжий набрал продуктов, как для семьи, это еще ладно. Может, он из голодной страны или живет старыми представлениями о совке как о стране дефицита. Это проглотят. А вот то, что он не взял в поездку мыло и чем бриться, но при этом таскает с собой портмоне с любимыми дисками, — это не катит даже для ботанов. Срочно фиксить.

«Где ж достать, где ж достать... Полвосьмого. Черт, все не-

бось тут уже в семь позакрывали, да и где тут галантерея-парфюмерия... Стоп. Универмаг у драмтеатра. Никуда он не делся и, может, до восьми. Так, какой у них от входных...»

Светодиод на коробочке у черного входа благополучно мигнул. За дверью подъезда лицо обрызгал вечерний холодок, легкое напоминание о надвигающейся осени. Небо с розовато-сиреневыми облаками грустило о только что ушедшем солнце. Виктор бросился вдоль отмостки в сторону Дуки, чуть не наткнувшись на углу на коричневую будку, такую же, как видел на Старом базаре: «Понатыкали их тут...»

К «Телерадиотоварам» подкатывал очередной бесплатный тролль, и через мгновение за спиной Виктора облегченно вздохнули средние двери.

...Универмаг оказался до девяти, как и после реформы. Очередей и пустых прилавков Виктор не обнаружил, хотя народу ходило достаточно. Продовольственный отдел почему-то исчез... ах да, он забыл, сейчас в доме рядом должен быть гастроном. Теперь в его реальности продуктовый в универмаге, а гастроном частично заполнен мелкими промтоварными лавочками, часть на втором этаже, часть в подвале. Кто сказал, что рыночная стихия — это больше удобства для покупателя?

Предметы личной гигиены предсказуемо оказались на втором. Будем пока экономить. Правда, зубную возьмем «Жемчуг», не утянет, мыло любое из дешевых с пластмассовой мыльницей, а одеколон можно тоже бюджетный — «Русский лес» или «Наташа»... «Шипр» не будем, «Шипр» и «Тройной» — в застой это как для парикмахерских. Нет, стоп. Не будет состоявшийся, степенный человек даже в конце восьмидесятых брать «Наташу», и на кризис тире переходный период не спишешь, какой тут кризис. Возьмем «Консул», в благородной бордовой коробочке, и пусть он на тумбочке на виду стоит. Кстати, если у нас сейчас кто-то будет душиться одеколоном под названием «Наташа», его не сочтут пассивным геем?

Виктор перевел глаза на стекло прилавка, где расположился ассортимент бритв, и изучил ценники.

«М-да. «Микма» с сеточкой, она же бывший «Филипс», — это хорошо, но пока дороговато, как и «Харьков» с плавающими ножами. Всякие бюджетные электро- — не стоит, механическим «Спутником» пусть бреется тот, кто это чудо придумал. Возьмем безопаску. Мокрое бритье — это не экономия, а стиль, чище бреет. Станок взять с регулировкой — накладно... а, вот, он еще и здоровый, неудобно в дороге. Вот простой алюминиевый в коробочке — самое то. К тому же у человека моего возраста это может быть просто привычка. Черт, как много тонкостей в простых вещах».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
Часть первая. ПОПАДАНЕЦ, XX ВЕК	6
Часть вторая. СЛОН В МУРАВЕЙНИКЕ	190
Часть третья. БИТВА С КАДАВРОМ	327